Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодную красою
Любила русскую зиму...

«Евгений Онегин», А. С. Пушкин



Валерия Лабузная

Русская зима

История России,
рассказанная
через ее зиму



КоЛибри

УДК 394+398.33
ББК 63.5+63.3(2)-7
Л12

Оформление и иллюстрации *Анастасии Качаловой*

Лабузная, В.
Л12 Русская зима. История России, рассказанная через ее зиму / В. Лабузная. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 192 с. : ил. — (Арт-тренд).

ISBN 978-5-389-34462-4

«Русская зима» — это культурная биография самого народного времени года, где мороз, метель и снег предстают действующей силой отечественной истории. Валерия Лабузная — искусствовед, радиоведущая и сценарист — объединяет фольклор, искусство, быт и науку. Она создает объемный образ русской зимы с ее снежными дорогами, теплыми банями и долгожданными праздниками.

Автор показывает, как зима вдохновляла ученых и изобретателей: Ломоносов изучал природу северного сияния, Менделеев строил ледокол, а инженеры прокладывали Великий Сибирский путь сквозь вечную мерзлоту. На страницах книги оживают маскарад Лермонтова и ночь перед Рождеством Гоголя, снежный городок Сурикова и масленицы Кустодиева, звучит вальс снежных хлопьев Чайковского и ария Снегурочки Римского-Корсакова. Читатель столкнется с загадкой белого цвета в живописи, поисками мамонта в ледяной пещере, страшными святочными вечерами и гаданиями, конкуренцией русской шубы и «голой моды», удивительными приключениями иностранцев в зимней России. Перед нами проходит галерея царей, писателей, художников, путешественников и ученых: Екатерина II на санях, Лев Толстой на коньках, Владимир Маяковский на «футуристической» елке.

Эта книга отвечает на вопрос, почему зима стала нашим национальным символом, известным брендом и образом жизни. Метель заметает следы, но открывает смыслы. Отправьтесь в увлекательное путешествие по истории заснеженной России, чтобы понять: зима — это не то, что с нами случается, а то, кем мы являемся.

УДК 394+398.33
ББК 63.5+63.3(2)-7

ISBN 978-5-389-34462-4

© Лабузная Валерия, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство КоЛибри®



История русской зимы

«Иней»,
Игорь Эммануилович
Грабарь. Ярославский
художественный музей
(фрагмент)

Наша родина – Зима

Что касается собственно до Скифии российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлесною [...]. Он за чудо сказывает своим единоземцам, что зима продолжается там восемь месяцев, и воздух в сие время [...] бывает наполнен летающими перьями, то есть снегом.

Зиму 1803 года Николай Карамзин встречал в новом статусе – официального историографа Российской империи. Он давно вынашивал идею «сочинения полной Истории Отечества», причем весьма оригинальной. Карамзин считал, что подобный труд нельзя сводить к скучному перечислению родословных князей и их междоусобиц [1]. Напротив, задуманная им «История» должна была больше напоминать живопись – масштабное эпическое полотно с целой галереей ярких, запоминающихся лиц. А главное – она должна отразить «все черты, которые означают свойства народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно» [2]. И вот наконец все чаяния оправдались! Император Александр I подписал именной указ, дававший Карамзину доступ к древним летописям и рукописям, а также пожаловал ему ежегодный пансион в размере 2 тысяч рублей. Карамзин был решительно настроен оставить все прошлые занятия – литературу, поэзию, редактуру, издательское дело и посвятить все свое время созданию многотомной «Истории государства Российского».

Но с чего же начать? Где найти истоки не просто русской государственности, а тех самых свойств русского национального характера? За подсказкой первый историограф Российской империи обращается к самому «отцу истории» – Геродоту. И оказывается, что грек, тысячелетия назад прошедший немало дорог под теплым ионическим солнцем, ответ действительно знал: Россия – пространство бескрайней зимы. «Что касается собственно до Скифии российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлесною [...]. Он за чудо сказывает своим единоземцам, что зима продолжается там восемь месяцев, и воздух в сие время [...] бывает наполнен

летающими перьями, то есть снегом», — с иронией цитирует своего великого предшественника Карамзин. Конечно, картина мира Геродота была ограничена знаниями его эпохи: он не мог иметь представления обо всей территории, которую впоследствии займет наша страна, только о самых южных ее территориях. Но его описания метели — «летающих перьев, мешающих зрению» [3], «невыносимой стужи» и «походов по льду», когда люди на повозках переезжают с одного берега замерзшего водоема на другой, — вполне достоверные.

С берегов Эгейского моря северная земля, скованная льдом и морозом, казалась практически необитаемой. Однако и тогда там жили люди — задолго до расселения славян. В границах современной Москвы обнаружено 10 городищ, сооруженных еще до нашей эры. С тех давних пор каждый народ, каждое племя, каждый человек в этом краю должен был понять: а способен ли он преодолеть стихию? Найти силы продолжать двигаться тогда, когда сама природа замирает? И хватит ли терпения дождаться весны? Другими словами, зима всегда бросала людям вызов и раз за разом ставила под вопрос саму возможность выживания. А человек, решивший принять его, пытался в ослепляющей снежной метели найти себя и обрести гармонию в царстве зимы.

Как сентименталист Карамзин прекрасно понимал, что окружающая среда воздействует на чувства, природа задевает струны души, формирует мироощущение человека. Недаром он в своих ранних стихах вопрошал: «Творец премудрый, милосердый! // Когда придет весна моя, // Зима печали удалится, // Рассеется душевный мрак?» [4]. Зима, которая у поэта-Карамзина ассоциируется с мраком, апатией, безнадежностью, в «Истории государства Российского» нередко становится фоном драматических исторических событий, тяжелым испытанием и даже бедствием. Но было бы большой несправедливостью считать, что воздействие зимы на судьбу страны исчерпывается климатическим фактором. Феномен русской зимы гораздо, гораздо шире. Зима — это огромный мир со своим укладом и традициями. Зима — время чудес и волшебства, загаданных желаний и веры в будущее. Зима — возможность накопить силы для новых свершений и стимул для открытий и изобретений. Зима — особая культура повседневности, свод правил поведения и быта, сумма вещей и понятий. Зима — полет мысли и вдохновение, философия и красота. Для многих

Творец премудрый,
милосердый!
Когда придет
весна моя,
Зима печали
удалится,
Рассеется
душевный мрак?

иностранцев зима — одна из главных характеристик России, своего рода международный бренд. А для нас — мощная сила, способная не только испытывать на прочность, но оберегать и защищать. Русская зима — это поистине бескрайнее пространство смыслов, которое никогда не будет исчерпано.

Верно ли считать ее причиной формирования таких черт русского национального характера, как выносливость и долготерпение? Суровый климат закалил нас и научил стойкости или, наоборот, смирению? Должны ли мы быть благодарны зиме за то, что порой можем собраться с силами и совершить невозможное? Или признаться, что за долгие холодные месяцы мы обленились и привыкли лежать на печи? Споры на эти темы едва ли когда-то придут к разрешению. Кто-то увидит в них лишь стереотип или попытку конструирования национального мифа, а кто-то — повод поразмышлять о самих себе и том, что нас окружает.

Красавицы наши, при ярком свете солнца, катаются на санях по снежным бриллиантам, и розы цветут на их лилейных щеках. Ни в какое время года россиянки не бывают столь прелестны, как зимою; действие холода свежит их лица, и всякая, входя с надворья в комнату, кажется Флорою.

В своих «Письмах русского путешественника» Николай Карамзин приводил забавные фрагменты анкеты, которую его попросила заполнить французская графиня. Первый вопрос, разумеется, о зиме. «Можно ли человеку с нежным здоровьем сносить жестокость вашего климата?» — интересовалась она. Будущий официальный историограф Российской империи дал исчерпывающий ответ: «В России терпят от холода менее, нежели в Провансе. В теплых комнатах, в теплых шубах мы смеемся над трескучим морозом. В декабре, в генваре, когда во Франции небо мрачное и дождь льется рекою, красавицы наши, при ярком свете солнца, катаются на санях по снежным бриллиантам, и розы цветут на их лилейных щеках. Ни в какое время года россиянки не бывают столь прелестны, как зимою; действие холода свежит их лица, и всякая, входя с надворья в комнату, кажется Флорою» [2]. Бравада этих заявлений, конечно, напускная. И в ранние, и в зрелые годы Карамзин прекрасно осознавал, какое влияние на жизнь русского человека оказывает зима: от практических трудностей организации быта до метафизических вопросов, связанных с усталостью от однообразия и нетерпеливым желанием перемен. Взявшись за написание «Истории государства Российского», Карамзин и сам строго подчинялся сезонности: зиму проводил в городе, лето — на природе. Звание официального историографа приблизило его ко двору и вынудило перебраться из Москвы в Санкт-Петербург, где он оказался во власти переменчивого климата и не менее переменчивых

общественных настроений. Это у него дома в Царском Селе впервые встретились молодой поэт Александр Пушкин и философ Петр Чаадаев. Судьбоносное знакомство не только обогатило русскую литературу таким героем, как Евгений Онегин, но и породило веру в то, что «Россия вспрянет ото сна!». Карамзин как никто другой понимал, что означают эти строки, знал, какое количество его современников мечтает пробудить страну от зимней спячки. Ведь надежду на то, что его «История» объяснит наконец, откуда и куда должна двигаться Россия, разделяли и государственники, и либералы.

Именно отчаянным желанием разобраться в судьбах родины и в себе самих во многом объясняется триумфальный успех публикации первых томов «Истории» Карамзина зимой 1818 года. Широко известно высказывание Пушкина по этому поводу: «Появление “Истории государства Российского” [...] наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом» [5], — свидетельствовал поэт. Однако, как ни странно, труд Карамзина если и приблизил разные общественные фракции к пониманию всей причудливости российской истории, то отнюдь не привел их к примирению.

Сам Карамзин планировал закончить свое сочинение воцарением Михаила Романова, когда после холодной и вьюжной зимы 1613 года в стране, истерзанной Смутой, установилось правление единой династии русских царей и императоров. Но судьба распорядилась иначе. Последнюю зиму в своей жизни официальный историограф Российской империи встретил в Зимнем дворце, откуда он в реальном времени наблюдал за восстанием на Сенатской площади. Великая, противоречивая, драматическая история России разыгрывалась прямо на его глазах. Эту главу осмыслить он не успел. Хотя и попытался вступиться за мятежников перед новым императором, обратившись к Николаю I со словами: «Ваше величество! заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!» [6]. А ведь многие из них читали Карамзина. Воспоминания о том, как, выйдя на площадь к восставшим, он «видел ужасные лица, слышал ужасные слова», терзали историка. На фоне нервного перенапряжения он простыл, из-за чего



начались осложнения. Врачи советовали Карамзину бежать, спасаться от русской зимы в теплой Италии, но было уже поздно. Зима проникла в его легкие и уже не отпустила.

Однако даже на этот трагический эпизод можно взглянуть иначе — как на пейзаж русской жизни в серебристых тонах. На бескрайней снежной равнине, так далеко на севере, как и не снилось Геродоту, вырастает *Зимний* дворец. Его опоясывают ряды белоснежных колонн, он блестит позолотой и поражает роскошью. Из Зимнего дворца осуществляется управление огромной империей, чья армия всего 10 лет назад дошла до Парижа. Некоторые из тех, кто тогда прошел через ворота Сен-Мартен — малую триумфальную арку, теперь стремятся к переменам в своем Отечестве. Их мятеж проваливается — причем буквально, сквозь невский лед. Но место в истории они все-таки обретают — как *«декабристы»*. Так, может быть, зима что-то для нас значит?

Зима — одно из четырех времен года, между осени и весны; астрономически, в северном полушарии, от вступления солнца в знак Козерога, 9 декабря, и до вступления его в знак Овна, 8 марта; на деле же, от начала морозов и зимнего пути до весенней распутицы.

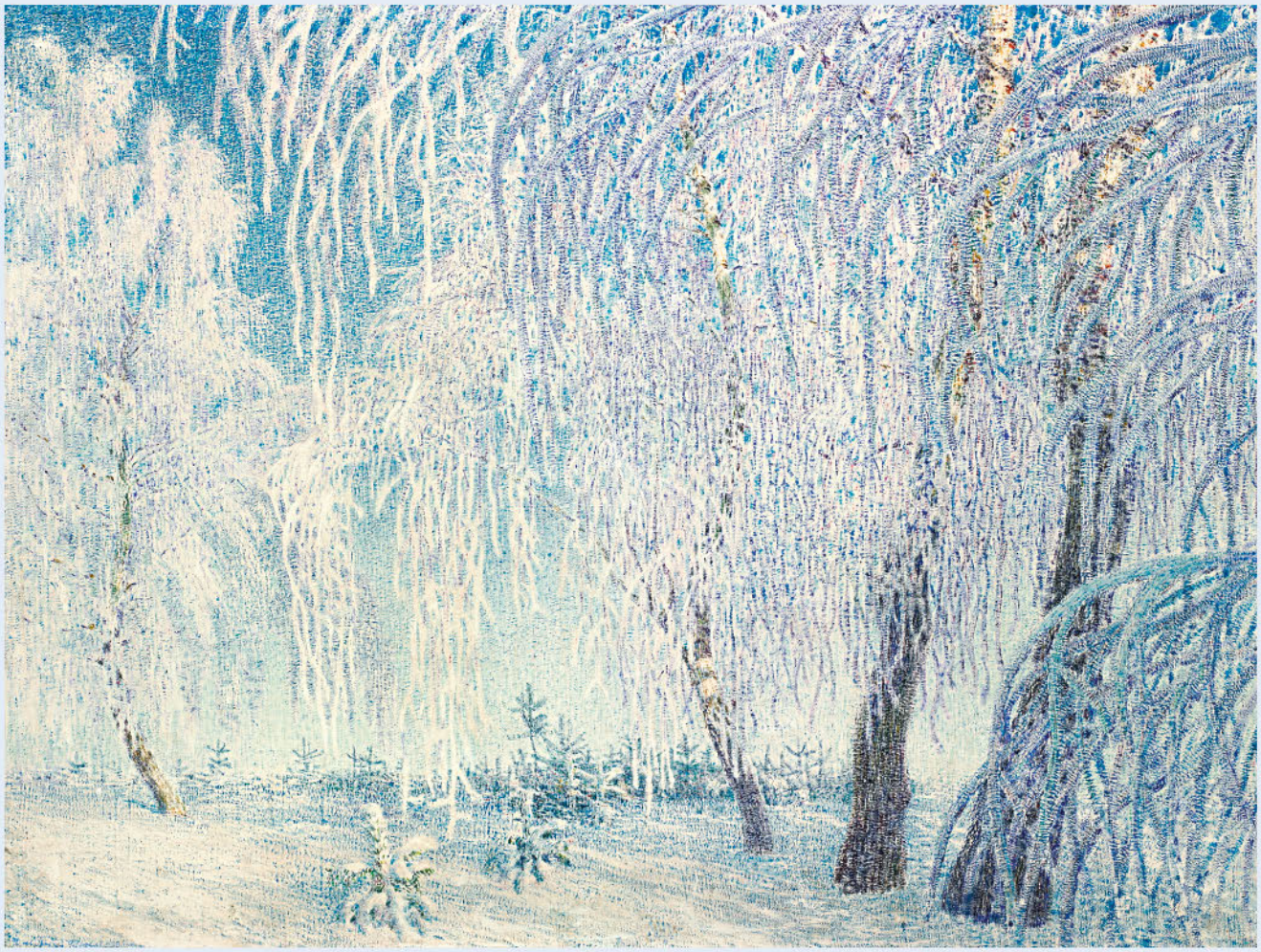


Сколько длится русская зима?

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля сказано: «Зима — одно из четырех времен года, между осени и весны; астрономически, в северном полушарии, от вступления солнца в знак Козерога, 9 декабря, и до вступления его в знак Овна, 8 марта; на деле же, от начала морозов и зимнего пути до весенней распутицы» [7]. Таким образом, Даль указывал на ключевое свойство русской зимы — ее непредсказуемость. Она не подчиняется никаким астрономическим расчетам и может наступить внезапно: «Зима в одну ночь становится» — и не закончиться по расписанию: «И в марте мороз на нос садится».

Наблюдения за природой, пытливый поиск неочевидных закономерностей в полном превратностей окружающем мире — на этом строится народный календарь, огромный пласт примет, поверий, пословиц и поговорок, в емкой форме суммирующих мудрость поколений. Не случайно последователь Карамзина — Василий Ключевский в своем «Курсе русской истории», описывая образование в верховьях Волги «великоросского племени»,

отдельно останавливался на приметах, составлявших, по сути, обширную энциклопедию целого народа. «В приметах великоросса и его метеорология, и его хозяйственный учебник, и его бытовая автобиография; в них отлился весь он со своим бытом и кругозором, со своим умом и сердцем; в них он и размышляет, и наблюдает, и радуется, и горюет, и сам же подсмеивается и над своими горями, и над своими радостями» [8], — замечал Ключевский. За долгие зимние месяцы у людей неоднократно менялось настроение: от суровой сдержанности к удали и лихачеству, от апатии к оптимизму. В веренице белых дней ориентировались по святцам и к датам почитания святых привязывали те поверья, чьи корни уходили еще в язычество.



«Иней», Игорь Эммануилович Грабарь. Ярославский художественный музей

Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии.

Однако сколь бы детальным ни был народный календарь, сколь бы значительное число факторов он ни учитывал, результат все равно не был гарантирован: недостаток снега при сильной стуже, резкие перепады температур, образование ледяной корки могли привести к гибели озимых культур и будущему неурожаю, а значит, голоду. Жители северных русских земель всегда находились во власти стихий, зависели от причуд природы. Такие сложные условия для ведения сельского хозяйства, да и любой деятельности вообще, в учебниках принято называть «зоной рискованного земледелия». На практике же это означало постоянную угрозу потери всего ценного и высокую вероятность, что все усилия, сколь бы добросовестно они ни были приложены, пойдут прахом.

«Проклятая неопределенность» и невозможность долгосрочного планирования повлияли на психологию народа, развив в нем склонность к крайностям — от полного фатализма до необузданной, почти мистической веры в чудо.

«Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии» [8], — отмечал Ключевский. Если способа понять, что произойдет, нет, если все предположения в любой момент могут оказаться ошибочными, то почему бы не понадеяться на удачу? Так в сердце русской зимы, чьи границы необозримы, а характер прихотлив, рождается мощное слово, почти заклинание — «авось». Его появление — своего рода протест, отчаянная смелость бросить вызов судьбе и принять любой исход: «будь что будет», «пан или пропал». «Своенравие климата и почвы обманывает самые скромные [...] ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, *противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги.* Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский *авось*» [8], — объяснял выверт коллективной психики историк. Таким образом, «авось» — это не безалаберность или беспечность, а реакция на стихийность мира, его непредсказуемость и неуправляемость. Потерпев неудачу в том, чтобы понять логику происходящих с ним и вокруг него событий, русский человек делает ставку на алогизм и — хоть иногда — выигрывает!

Русский человек одновременно корит себя за привычку полагаться на «авось» и подозревает, что именно в этом навыке скрыта какая-то особенная сила. Тот же Даль советовал: «Коли

путное, молодецкое дело на уме, тогда пускайся смело на авось: тут оно редко тебя выдаст» [9]. Пушкин восклицал: «Авось, о шиболет народный!», подразумевая под библейским словом «шиболет» национальный пароль, знак отличия своих и чужих. Современные исследователи находят и более глубокие философские смыслы, заключенные в одном-единственном возгласе. Так, некоторые связывают русский «авось» с Авсенем — языческим богом смены времен года и праздником, который изначально отмечался 1 марта, а затем — 1 января. Если Авсень означает «переломный момент, границу между годом прошедшим и годом наступающим» [10], то «авось» указывает на переход в новое качество, квантовый скачок, который человек совершает, вопреки всем законам реального мира, из физического в метафизическое.

Непредсказуемость зимы и неустойчивость жизненных координат в целом приводит к тому, что русский человек не вполне доверяет рациональности как системе понятных причинно-следственных связей: «В русской жизни почти нет стандартных, рутинных путей из одной точки в другую, каждый раз приходится натыкаться на необработанное бытие, что делает практически любой процесс опасным и творческим» [11]. В таких рискованных обстоятельствах поневоле развивается изобретательность, сообразительность, смекалка, но, с другой стороны — возникает соблазн, напротив, отказаться от попыток что-то предпринять и положиться на волю случая. «У вас “авось” // России ось // Крути́т, верти́т, // А кучер спит» [12], — язвил друг Карамзина — князь Петр Вяземский.

Та же двойственность определяет характер любой деятельности, которую можно вести в месте, где полновластная зима притесняет короткое и как бы случайное лето. Долгое ожидание подходящего момента сменяется резким порывом активности, чтобы затем вновь вернуться в «спящий режим». «Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [8], — свидетельствовал Ключевский.

Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья.

То, что сегодня назвали бы прокрастинацией, зашивалось в ментальность русского народа множеством бесконечных зим. Появление пассивных и (по большей части) бездеятельных героев — от Ильи Муромца и Емели до Обломова и Манилова — становится сквозным мотивом в русской повествовательной традиции, будь то народная или «высокая» культура. Только если фольклорные и сказочные персонажи в итоге вставали с печи и совершали невозможное, то их «потомки» в классической литературе XIX столетия уже были на это неспособны. Однако даже «обломовщину» и «маниловщину» как явление все-таки нельзя сводить исключительно к лени и склонности к завиральным идеям. В них присутствует некоторая созерцательность — качество, тоже «воспитанное» обычаями зимования. Русская зима, как и русская земля, которой нет конца и края, побуждает, с одной стороны, вглядываться в мельчайшие детали — следы на белом снегу, колышущиеся ветви деревьев, неспешное движение облаков, с тем чтобы по приметам узнать нечто жизненно важное, а с другой — смотреть в даль, в неведомое, прозревая где-то за горизонтом сказочные миражи и фантастические картины будущего. «В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера...» — утверждал философ Иван Ильин, но тут же предостерегал, что «от чрезмерной созерцательности души становятся мечтательными, ленивыми, безвольными, нетрудолюбивыми...» [13]. Бесконечность возвышает, но в ней легко потеряться, пропасть. Отсюда — характерная русская меланхоличность, тоска и пессимизм. Русская зима ставит перед человеком дилемму: ничего не делать и надеяться на лучшее или рискнуть с верой в чудо. А иногда она отнимает даже эту, последнюю надежду.

Историки выделяют несколько особенно холодных, «лютых» зим, последствия которых были сравнимы со стихийными бедствиями. Механика у них схожая: холод приводит к неурожаю, за которым следуют голод, болезни и смерть. Так, Карамзин описывал ужасную зимнюю катастрофу, случившуюся на Руси в 1230 году: «Жестокий мороз 14 сентября побил все озимые; цена на хлеб сделалась неслыханная: за четверть ржи платили в Новгороде пять гривен или около семи нынешних рублей (серебром), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубля 65 копеек. Хотя жители славились богатством, но сия неумеренная дороговизна истощила все средства пропитания для города. Открылись голод, болезни и мор» [14]. Не только в Новгороде,

но и в других крупных городах (за исключением Киева) жертвы исчислялись десятками тысяч, нередко тела лежали прямо на улицах, бедняки ели мох, желуди, сосну, ильмовый лист, кору липовую, домашнюю живность, происходило и худшее. «Не было жалости в людях, — говорит Летописец, — казалось, что ни отец сына, ни мать дочери не любит. Сосед соседу не хотел уломить хлеба!» [14] — цитировал Карамзин. Трагедия привела не только к сокращению численности населения, но и к истощению моральных сил. С этими страшными событиями связывают, в том числе, скорое установление на Руси монголо-татарского ига.

Значительная часть следующих природных катаклизмов в нашей истории пришлась на так называемый малый ледниковый период — масштабный процесс изменения климата, стартовавший в XIV веке и продлившийся вплоть до XX века. Замедление теплого течения Гольфстрим, продвижение пакового льда с севера на юг, повышенная вулканическая активность и мощные извержения привели к похолоданию, затронувшему значительную часть планеты. Глобальная зима поразила континентальную Европу раньше, чем Россию, и принесла за собой чуму — великую и ужасную Черную смерть. Но, несмотря на то что тогда эпидемия обошла русскую землю стороной, стихийные бедствия участились: аномальные холода, неурожаи, вспышки инфекций происходили с тревожной регулярностью. Очень часто они сопровождались прискорбными экономическими явлениями, отмеченными Карамзиным, — взрывным ростом цен на хлеб, злоупотреблениями, спекуляциями. Но апогея процессы, запущенные малым ледниковым периодом, на Руси достигли в самом начале XVII века. Тогда зима будто бы задалась целью истребить как можно больше обитателей своих чертогов и полностью игнорировала какие бы то ни было границы годового цикла: несколько лет подряд заморозки происходили и весной, и летом, и осенью. Снег не таял, а лежал по восемь-девять месяцев, как и пророчил Геродот. Начался «Великий голод» — «казнь страшная»: посевы погибли, запасы иссякли, не осталось ни еды, ни зерна, чтобы сеять. Находившийся тогда у власти Борис Годунов принимал меры для спасения населения, но тщетно. Он «отворил царские житницы» и казну: «близ деревянной стены Московской лежали кучи серебра для бедных, ежедневно, в час утра, каждому давали две морковки, деньгу или копейку — но голод свирепствовал: ибо хитрые корыстолюбцы обманом скупали дешевый хлеб в житницах казенных [...], чтобы возвышать

его цену и торговать им с прибытком бессовестным» [14], — живописал те страшные события Карамзин. При этом «самое благодеяние обратилось во зло для столицы»: раздача милостыни привлекла в город еще больше нуждающихся людей. Многие из них замерзали насмерть в дороге, а те, кто все-таки добирался, только пополняли множество отчаявшихся москвичей. Масштаб бедствия был настолько шокирующим, что в нем видели Божью кару — наказание за то, что на престоле оказался не законный правитель, а почти случайный человек. Вспыхивали бунты, орудовали банды. В итоге голод «достиг крайности столь ужасной», что, по признанию Карамзина, «нельзя [было] без трепета читать ее достоверного описания в преданиях современников». Не вдаваясь в чудовищные детали, достаточно сказать, что менее чем за три года «Великий голод», вызванный нарушившей все природные циклы зимой, унес в Москве и области жизни до полумиллиона человек [14]. Это имело разрушительные последствия для страны, став одной из ключевых составляющих Смутного времени.

Таким образом, зима, даже будучи естественной средой обитания русского человека, не единожды ставила под вопрос само существование Русского государства, грозила утратой самостоятельности и целостностности. Русскую зиму и русские просторы роднит безграничность, которая, однако, может иметь очень опасные проявления: воздействовать деморализующе и угнетающе. Именно на это свойство указывал философ Николай Бердяев, утверждая, что «русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а порабощает ее» [15]. То, что нельзя объять, и то, чем нельзя управлять, подавляет волю, вызывает чувство беспомощности, желание снять с себя всю ответственность. Однако, покоряясь стихии или пытаясь ей противостоять, русский человек остается ее частью. Внешнее находится в тесной взаимосвязи с внутренним: «И в собственной душе чувствует [русский человек] необъятность, с которой трудно ему справиться. [...] Славянский хаос бушует в нем» [15]. Безудержная вьюга и уютное поскрипывание свежего снега, пробирающий до костей мороз и долгие зимние вечера у теплого очага, низкое свинцовое небо и отраженное в тысячах льдинок солнце — русскую зиму, как и русскую душу, трудно охватить во всей ее полноте. Если с этой задачей не можем справиться мы сами, то как нас могут понять иностранцы? Способны ли другие почувствовать горячее сердце под толщей льда?

Русская зима глазами иностранцев

Средневековый рыцарь, мечтающий увидеть мир, на людей посмотреть и себя показать, имел не так уж много способов это сделать. Среди надежных вариантов — военные кампании и паломничества к святым местам. Отличавшийся огромной любознательностью фламандский рыцарь Гильбер де Ланноа в самом начале XV века использовал все возможности для путешествий, которые только посылала ему судьба. За годы странствий он побывал в десятках стран Европы и Азии и (неожиданно даже для себя) оказался на Руси. Так, зимой 1413 года Гильбер де Ланноа собирался принять участие в одном из походов Ливонского ордена на территории Прибалтики. Однако поход отложили и, чтобы не терять времени даром, рыцарь, переодевшись торговцем, отправился во враждебную для ливонцев Русь, где был принят с большим радушием. Воспоминания о посещении Новгорода и Пскова Гильбер де Ланноа включил в книгу мемуаров «Путешествия и посольства». Они стали первыми описаниями нашей страны, сделанными западным европейцем.

«Я сел на сани по причине великого снега и холода, — начал рассказ о своей авантюре де Ланноа. — В ту зиму было так холодно, что было бы занимательно рассказать о тамошних морозах, поскольку мне пришлось ехать по морозу» [16]. В русской зиме европейца удивляло буквально все: «Одно из чудес, производимых там морозом, состояло в том, что, когда едешь лесом, слышно, как замерзшие деревья трескаются и раскалываются сверху донизу, — пустился в поэтические зарисовки он. — И если ночью случалось спать в безлюдном месте, то утром мы находили бороду, брови и веки заиндевелыми от человеческого дыхания и все в льдинках, так что, проснувшись, с трудом удавалось открыть свои глаза». Больше, чем внушительное новгородское войско, кокошники местных женщин («круглых венцов за головой, как у святых»), меха и серебро, рыцаря изумляло все, связанное с зимой. Ему казалось чудом, что на холоде металлическая посуда примерзает к пальцам, а вода покрывается льдом даже в стоящем на огне котелке, что на рынке торгуют мороженой дичью и рыбой, а по лесу бегают белые зайцы. Эти очерки на долгие

Одно из чудес, производимых там морозом, состояло в том, что, когда едешь лесом, слышно, как замерзшие деревья трескаются и раскалываются сверху донизу.

годы определили представление европейцев о России как о диковинной стране, существующей в необыкновенных условиях.

Ближе к концу XV столетия впечатления фламандского рыцаря о России подкрепил своими свидетельствами венецианский посол Амброджо Контарини. Правда, путь привел дипломата не в самые северные земли, а в Москву, где уже жили и работали некоторые его соотечественники: ювелиры, гончары и другие ремесленники, с которыми он быстро свел тесное знакомство. Но главное — земляки обнаружились и в Кремле: итальянский архитектор Аристотель Фиораванти по заказу Ивана III трудился тогда над строительством Успенского собора, а супругой князя была родившаяся и выросшая в Италии гречанка Софья Палеолог. Такие связи позволили Контарини неплохо устроиться и даже внести свой вклад в укрепление российско-итальянских отношений. Венецианец встретил в Москве зиму 1476 года, и его рассказ, хоть и сделанный непосредственно с места событий, во многом повторял сочинения Геродота. «Страна их весьма холодна, так что жители в продолжение девяти месяцев должны топить в домах свои печи, — утверждал итальянец. — Впрочем, этим временем года пользуются они для заготовления запасов своих на лето, ибо в морозы, на русских санях, запряженных в одну лошадь, весьма легко перевозить всякие тяжести» [17]. Зимой в городе ведется оживленная торговля, причем «купцы ставят свои лавки с разными товарами» прямо посреди замерзшей реки. «Они полагают, что это место, будучи с обеих сторон защищено строениями, менее подвержено влиянию стужи и ветра, — пояснял венецианский путешественник. — На таковый рынок ежедневно, в продолжение всей зимы, привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы». Зимняя Москва, не застывшая, а подвижная — с бойкой торговлей, множеством провизии, лошадиными скачками, забавами и развлечениями, изображенная Контарини, — одно из редких бытовых описаний русской столицы той эпохи, дошедших до иностранного читателя.

Страна их весьма холодна, так что жители в продолжение девяти месяцев должны топить в домах свои печи. Впрочем, этим временем года пользуются они для заготовления запасов своих на лето, ибо в морозы, на русских санях, запряженных в одну лошадь, весьма легко перевозить всякие тяжести.

При этом знания европейцев о России по-прежнему были скудными и отрывочными. В Средние века лишь немногие из них добирались до русских земель, еще меньше — оставляли отчеты и воспоминания. Но эпоха Великих географических открытий сделала мир куда более понятным и обозримым. В попытке проложить новые торговые маршруты испанцы и португальцы находили целые материки, французы и англичане бороздили

Мировой океан, оставляя на карте все меньше белых пятен. Можно спорить, нужен ли России был свой Колумб, но он тем не менее появился. Немецкий барон Сигизмунд фон Герберштейн стал тем человеком, который «открыл» Русь европейцам – как неизведанный, даже экзотический континент. В качестве посла Священной Римской империи он дважды приезжал в Москву с длительными дипломатическими миссиями. Если фламандский рыцарь пробыл в русских землях девять дней, венецианский посол – четыре месяца, то немецкий барон в совокупности прожил среди «московитов» полтора года. И пусть его политические предприятия не увенчались успехом, знание словенского языка позволило ему гораздо глубже, чем предшественникам, вникнуть в русскую жизнь и культуру.

Итогом его странствий стали «Записки о московитских делах» – первый масштабный труд о России, ориентированный



«Нева в Санкт-Петербурге зимой», Теодор Хильдебрандт. Рейксмузеум

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Валерия Лабузная

РУССКАЯ ЗИМА
История России, рассказанная через ее зиму

Руководитель направления *И. Мажаева*
Ответственный редактор *А. Гусева*
Дизайнер обложки *А. Качалова*
Технический редактор *М. Караматозян*
Корректоры *Д. Безуглова, А. Магрилова*
Верстка *К. Иванов*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.11.2026.
Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «NewBaskervilleITC». Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 3000 экз. W-ATT-43882-01-R. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,
БЦ «Регул», 2-й этаж
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
«КоЛибри» тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қаласындағы
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербор,
Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: https://certification.atticus-group.ru/.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+